

Денис Алексеев

# Пляж забытых вещей

Денис Алексеев

# **Пляж забытых вещей**

«Автор»

2026

**Алексеев Д.**

Пляж забытых вещей / Д. Алексеев — «Автор», 2026

Артём, дизайнер в выгорании, находит на балтийском пляже лачугу с загадочными очками. Надев их, он начинает видеть воспоминания их владельцев и стирает собственную личность. Артефакт приводит его к истории Виктора Соловьёва, инженера, исчезнувшего в 1987 году из-за янтарной контрабанды. Вместе с дочерью Виктора, Еленой, Артём распутывает клубок лжи, противостоя опасному мафиози. Чтобы спасти себя от полного забвения и вернуть отцу доброе имя, герой должен найти живого Виктора и разорвать магическую связь. История о цене памяти, силе правды и исцелении через прошлое.

© Алексеев Д., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Выброс                   | 5  |
| Глава 2. Чужие глаза              | 10 |
| Глава 3. След на песке            | 16 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 17 |

# Денис Алексеев

## Пляж забытых вещей

### Глава 1. Выброс

Ветер на Балтике не дует — он бьёт. Он врывается в лёгкие ледяными иглами, сбивает с ног, срывает капюшоны и заставляет щуриться от соли, которая оседает на ресницах мелкой белой пылью. Артём стоял у кромки воды, засунув руки в карманы потрёпанной куртки-ветровки цвета хаки, и смотрел, как серые волны с яростью обрушиваются на чёрные валуны.

Ему было двадцать восемь лет, но в этот момент он чувствовал себя на все сто. Не от старости, а от тяжести. Тяжести выгорания, которое накопилось за последние два года фриланса, бесконечных правок от клиентов, ночных созвонов и ощущения, что жизнь превратилась в бесконечный поток задач в Trello, которые никогда не заканчиваются.

Зеленоградск встретил его дождём. Не тем романтичным моросью, который показывают в фильмах про европейских детективов, а холодным, пронизывающим ливнем, который заставлял хотеть одного: спрятаться под одеяло и не вылезать оттуда до весны. Но Артём приехал сюда не отдыхать. Он приехал сюда, чтобы исчезнуть. На время. Чтобы телефон перестал вибрировать, чтобы почта перестала требовать ответов, чтобы голова перестала гудеть от шума чужих ожиданий.

Он снял квартиру в частном секторе, на окраине города, где асфальт переходил в грунтовку, а грунтовка — в тропинку, ведущую к дикому пляжу. Хозяин, грузный мужчина с лицом цвета запечённой корочки, вручил ему ключи и буркнул:

— Там тихо. Только ветер. И море. Если шторм будет сильный — не ходи к воде. Камни скользкие. Унесёт.

Артём кивнул. Ему нравилась эта угроза. Она была честной. В отличие от обещаний заказчиков «сделать быстро и качественно» или уверений бывшей девушки, что «нам просто нужно взять паузу».

Первые три дня он просидел дома. Пил растворимый кофе из дешёвой кружки с отбитым краем, смотрел в окно на серое небо и слушал, как воет ветер в трубе. Он не включал ноутбук. Не проверял соцсети. Просто существовал. Как растение. Как камень. Как часть этого заброшенного угла мира.

На четвёртый день погода немного стихла. Небо стало светлее, хотя солнце так и не появилось. Воздух пах йодом, водорослями и чем-то древним, разлагающимся на дне. Артём натянул кроссовки, взял термос с чаем и пошёл к морю.

Пляж здесь был не таким, как на курортах юга. Никаких лежаков, зонтиков и музыки из колонок. Только песок, смешанный с мелкой галькой, огромные валуны, покрытые зелёным слизким мхом, и коряги, выброшенные штормом. Коряг было много. Они лежали на берегу, как скелеты каких-то гигантских зверей, вывернутые наизнанку корни деревьев, обточенные водой и временем. Некоторые были белыми, как кости, другие — тёмными, почти чёрными, пропитанными смолой.

Артём шёл вдоль линии прибоя, стараясь не наступать на мокрые камни. Волны шумели ровно, монотонно. Этот звук действовал успокаивающе, как белый шум. Он думал ни о чём. Или почти ни о чём. Образы всплывали сами собой: лицо матери, когда она звонила в прошлый четверг; экран монитора с макетом сайта, который он делал уже месяц; запах духов Лены, который всё ещё иногда чудился ему в подушке.

Он остановился у большого валуна, достал термос и налил чай. Горячая жидкость обожгла горло, но это было приятно. Тепло разлилось по груди, прогоняя озноб. Артём сделал глоток, другой, третий. Потом посмотрел вдаль.

И замер.

Вчера, когда он шёл этим же путём, берег был пуст. Только песок, камни и вода. А сегодня, метров через двести от него, среди нагромождения коряг и водорослей, стояла лачуга.

Это было странное сооружение. Оно не выглядело построенным. Скорее, оно выглядело собранным. Стены были сложены из крупных кусков плавника, переплетённых между собой и скреплённых чем-то тёмным, похожим на смолу или грязь. Крыша отсутствовала как таковая — её роль выполняли нависшие ветви старой сосны, росшей прямо за дюной, и плотный слой сухих водорослей, уложенных поверх жердей. Двери не было. Вместо неё зиял тёмный проём, закрытый занавеской из рыболовных сетей.

Артём моргнул. Протёр глаза. Лачуга никуда не делась.

«Странно», — подумал он. — «Вчера здесь ничего не было. Я шёл медленно, смотрел по сторонам. Я бы заметил».

Любопытство, то самое детское, неотвратимое чувство, которое заставляло его в детстве лазить по чердакам и открывать закрытые шкафы, шевельнулось внутри. Он допил чай, закрыл термос и пошёл к лачуге.

Чем ближе он подходил, тем сильнее становилось ощущение неправильности. Воздух вокруг сооружения казался гуще, тяжелее. Запах моря здесь смешивался с другим запахом — сладковатым, пряным, напоминающим старый лак для дерева и сушёные травы.

Артём остановился перед входом. Заглянул внутрь.

Лачуга была больше, чем казалось снаружи. Внутри, вдоль стен, тянулись полки, сделанные из тех же коряг. На полках стояли вещи. Много вещей.

Ржавые ключи, связанные в связки бечёвкой. Потёртые кошельки из кожи, потрескавшиеся от времени. Детские игрушки — плюшевый медведь без глаза, оловянный солдатик, сломанная кукла с фарфоровым лицом. Старые часы с остановившимися стрелками. Очки в металлических оправках. Броши. Заколки. Фонарики. Книги с вырванными страницами.

Это был музей потерянных вещей. Но не тех, что теряют по рассеянности. А тех, что теряют со смыслом. Каждая вещь здесь дышала историей. Каждая молчала о чём-то важном.

В глубине лачуги, на низком табурете, сидел человек.

Старик. Высокий, худой, одетый в толстый рыбацкий свитер грубой вязки, цвета невымытой шерсти. На голове у него была шапка-ушанка, несмотря на то, что на улице было не так холодно. Лицо старика было скрыто тенью, но Артём видел его руки. Большие, узловатые, с короткими пальцами и чёрными ногтями. Руки человека, который всю жизнь работал с деревом, сетями, канатами.

Старик не шевелился. Он смотрел в одну точку перед собой, туда, где сквозь проём виднелся кусочек серого моря.

Артём кашлянул.

— Здравствуйте.

Старик медленно повернул голову. Его глаза были бледно-голубыми, почти прозрачными. В них не было ни удивления, ни приветствия. Только спокойствие. Глубокое, как океанская впадина.

— Здравствуй, — произнёс старик. Голос у него был хриплый, словно он долго молчал или много курил.

Артём шагнул внутрь. Пол был усыпан песком и мелкими ракушками. Под ногами что-то хрустнуло.

— Это ваша лачуга? — спросил Артём, чувствуя себя неловко. Вопрос был глупым. Чья же ещё?

Старик не ответил. Он снова посмотрел вперёд, потом медленно поднял руку и указал на одну из полок.

— Выбирай.

— Что выбирать? — не понял Артём.

— То, что ищет тебя.

Артём усмехнулся.

— Звучит как реклама эзотерического магазина.

Старик не улыбнулся. Его лицо осталось неподвижным, как маска.

— Здесь нет рекламы. Здесь есть только правда. Вещи помнят больше, чем люди. Люди забывают. Вещи — нет.

Артём почувствовал лёгкий дискомфорт. Ему захотелось уйти. Вернуться на пляж, к ветру и волнам, где всё было просто и понятно. Но ноги не слушались. Что-то тянуло его к полкам. Что-то шептало: «Посмотри. Посмотри внимательно».

Он подошёл к ближайшей полке. Провёл пальцем по ржавому ключу. Холодный металл отозвался лёгкой вибрацией. Артём отдернул руку. Ему показалось, что он услышал звон замка, поворот ключа, скрип двери.

Он перевёл взгляд на другие предметы. Кошелёк. В нём лежала старая фотография. Мужчина и женщина на фоне какого-то здания. Женщина смеётся, мужчина смотрит на неё с любовью. Но лица на фотографии были размыты, словно кто-то провёл по ним влажным пальцем.

Артём почувствовал укол в сердце. Тоска. Чужая тоска.

Он отвернулся. Его взгляд упал на небольшую коробочку из-под сигарет, стоящую на краю полки. Внутри лежали круглые очки в роговой оправе. Тёмной, почти чёрной. Линзы были слегка желтоватыми, с лёгкой рябью, как поверхность воды.

Очки казались обычными. Старомодными. Такие носили интеллигенты в советских фильмах. Но в них было что-то притягательное. Артём протянул руку и взял их.

Очки были тяжёлыми. Не физически, а энергетически. Они пульсировали в ладони, как живое сердце.

— Сколько? — спросил Артём, не отрывая взгляда от линз.

— Сто рублей, — ответил старик.

Артём удивлённо посмотрел на него.

— Сто? Серьёзно?

— Для тебя — сто. Для других — больше. Или меньше. Зависит от того, готовы ли они платить.

Артём полез в карман куртки. У него всегда были с собой мелкие деньги, на случай, если захочется купить кофе или булочку в местной пекарне. Он нашёл купюру в сто рублей, немного помятую, и положил её на полку рядом с очками.

Старик кивнул.

— Бери. И помни: они показывают не то, что ты хочешь видеть. Они показывают то, что было.

Артём нахмурился.

— Что это значит?

Но старик уже снова смотрел в море. Разговор был окончен.

Артём пожал плечами, сунул очки в карман и вышел из лачуги. На улице ветер усилился. Волны стали выше, белая пена вздыбилась над валунами. Небо потемнело. Надвигался шторм.

Он пошёл обратно к дому, ускоряя шаг. За спиной он слышал, как скрипят доски лачуги, как шелестят сети. Ему казалось, что старик стоит в проёме и смотрит ему в спину. Но когда Артём обернулся, лачуга казалась обычной кучей мусора. Тенью. Иллюзией.

Дома он закрыл дверь на замок. Заварил свежий чай. Сел за стол и достал очки.

Они лежали на деревянной поверхности стола, тёмные и загадочные. Роговая оправа была тёплой на ощупь. Артём взял их в руки, рассмотрел поближе. На дужках не было никаких маркировок, логотипов, знаков качества. Только гладкое, отполированное временем дерево.

«Глупость», — подумал он. — «Какая-то мистическая чушь. Старик просто торгует антиквариатом, вот и всё».

Но рука сама потянулась к лицу. Артём надел очки.

Мир изменился мгновенно.

Серые стены его съёмной комнаты исчезли. Исчез стол, стул, термос. Вместо них перед ним возникла кухня. Маленькая, тесная, с облупленной краской на стенах. На окне висели занавески в цветочек, пропускающие тусклый вечерний свет. На столе лежала клеёная скатерть в красно-белую клетку. Пахло жареной рыбой и луком.

Артём моргнул. Попробовал снять очки. Но они не снимались. Они плотно прилипли к переносице, к вискам, к ушам. Будто выросли из его кожи.

Он попытался встать, но ноги не слушались. Он был привязан к этому месту, к этому моменту.

Перед ним, за столом, сидел молодой мужчина. Лет двадцати пяти. В рубашке с закатанными рукавами, с растрёпанными волосами. Мужчина смотрел в окно, на улицу, где шёл дождь. В его глазах читалась тревога. И любовь. Огромная, всепоглощающая любовь к кому-то, кого нет рядом.

Мужчина вздохнул, взял со стола ручку и начал писать письмо. Почерк у него был ровный, красивый. Артём видел каждую букву, каждое движение руки. Он чувствовал напряжение в пальцах мужчины, биение его сердца, дрожь в голосе, когда тот шептал вслух слова, которые писал на бумаге.

«Я жду тебя. Каждый день. Каждый час. Приезжай. Пожалуйста».

Артём хотел кричать. Хотел вырваться. Но он был пленником чужого воспоминания. Он видел мир глазами этого мужчины. Чувствовал его боль. Его надежду. Его страх.

И вдруг всё оборвалось.

Артём резко вдохнул. Перед ним снова была его комната. Серые стены. Деревянный стол. Термос с чаем.

Он схватился за очки, пытаясь снять их. На этот раз они поддались. Он сорвал их с лица и бросил на стол. Очки звякнули о дерево и замерли.

Артём дрожал. Сердце колотилось так сильно, что болела грудь. Он посмотрел на свои руки.

На левой руке, на внутренней стороне запястья, там, где обычно носят часы, появилась татуировка. Чёрные цифры, выведенные чётким, печатным шрифтом:

14.08.87

Артём провёл пальцем по цифрам. Кожа была гладкой. Никакой краски, никакой крови. Татуировка была частью его тела. Будто она всегда там была. Просто он её не замечал.

Он посмотрел на часы на стене. Было семь вечера. За окном начинался шторм. Ветер бил в стёкла, как будто хотел ворваться внутрь.

Артём взял очки. Они были холодными. Мёртвыми.

«Что это было?» — спросил он себя.

Но ответа не было. Только эхо чужой любви. И дата. 14 августа 1987 года.

Он подошёл к окну. Посмотрел на море. Волны вздымались высоко, разбиваясь о берег с глухим рёвом. Где-то там, в темноте, стояла лачуга. И в ней, возможно, всё ещё сидел старик. Ждал следующего посетителя. Следующего искателя.

Артём знал, что должен вернуться. Что должен понять, что произошло. Что эти очки — не просто антиквариат. Это ключ. К чему-то важному. К чему-то, что связано с ним самим.

Он положил очки в карман. Почувствовал их тяжесть. И впервые за долгое время почувствовал интерес. Настоящий, живой интерес. Не к работе, не к деньгам, не к одобрению других. А к тайне.

Шторм набирал силу. Дождь барабанил по крыше. Артём сел за стол, открыл ноутбук. Но не для работы. Он открыл браузер и начал искать.

«Зеленоградск 1987 год». «Пропажи людей». «История пляжа».

Он не знал, что найдёт. Но знал одно: его жизнь только что изменилась. И пути назад не было.

Очки лежали в кармане, тёплые и живые. Они ждали.

Артём посмотрел на свою руку. Цифры 14.08.87 пульсировали в такт его сердцу.

Он сделал глубокий вдох. И начал читать.

Ветер выл за окном. Море штормило. И где-то в прошлом, в том самом 1987 году, молодой человек по имени Виктор писал письмо, которое так и не было отправлено. И ждал. Ждал того, кто придёт спустя тридцать девять лет, чтобы вернуть ему память.

Артём ещё не знал имени Виктора. Ещё не знал, что его ждут долгие поиски, опасные встречи и выбор, который изменит всё. Но он чувствовал: это начало. Начало истории, которая станет его собственной.

Он закрыл ноутбук. Выпил остывший чай. И лёг спать.

Снились ему море. И глаза. Бледно-голубые, прозрачные, как лёд. Глаза старика из лачуги.

И голос, шепчущий в темноте:

«Вещи помнят. Люди забывают. Но ты... ты вспомнишь».

Артём проснулся ночью от холода. Одеяло сползло на пол. Он дрожал. Подошёл к окну. Шторм стих. Море было спокойным. Луна светила ярко, освещая серебряную дорожку на воде.

Он достал очки из кармана. Посмотрел на них в лунном свете. Линзы блестели, как глаза хищника.

Артём улыбнулся. Усталой, но решительной улыбкой.

— Ладно, — сказал он тишине. — Посмотрим, что ты покажешь дальше.

И положил очки на тумбочку. Рядом с телефоном, который молчал уже четвёртый день.

Завтра он пойдёт к лачуге. Завтра он начнёт искать ответы.

А сегодня... сегодня он просто будет спать. И ждать утра.

Потому что утро всегда приносит новые возможности. И новые тайны.

И Артём был готов их принять.

## Глава 2. Чужие глаза

Утро на Балтике не наступает постепенно. Оно врывается в комнату резким, холодным светом, который пробивается сквозь щели в ставнях и заставляет открывать глаза раньше времени. Артём проснулся от того, что ему было холодно. Одеяло валялось на полу, а окно, которое он точно закрывал перед сном, было приоткрыто. Сквозь щель дул ветер, пахнувший сыростью и морем.

Он сел на кровати, потирая виски. Голова гудела. Не так, как после бессонной ночи или лишнего бокала вина. Это была другая боль. Глубокая, давящая, словно кто-то засунул ему в череп раскалённый камень. Боль пульсировала в ритме с сердцебиением, отдаваясь в глазницы.

Артём потянулся к тумбочке, чтобы взять телефон проверить время, но его рука наткнулась на что-то твёрдое и холодное. Очки.

Они лежали там, где он их оставил накануне вечером. В роговой оправе, с желтоватыми линзами. Они казались совершенно обычными предметами быта. Но стоило Артёму взглянуть на них, как боль в голове усилилась. Будто очки сами по себе излучали какое-то напряжение, невидимое поле, которое давило на сознание.

Он вспомнил вчерашнее. Кухню. Клеёнчатую скатерть. Запах жареной рыбы. Молодого человека за столом. И дату на руке.

Артём быстро посмотрел на своё левое запястье. Цифры «14.08.87» всё ещё были там. Чёрные, чёткие, неотвратимые. Он провёл по ним пальцем. Кожа была гладкой. Никакой краски. Никакого шрама. Просто пигмент, проявившийся из ниоткуда.

«Это сон», — попытался убедить себя Артём. — «Просто стресс. Выгорание. Галлюцинации».

Но он знал, что это не так. Сон не оставляет физических следов. Сон не пахнет жареной рыбой и старым лаком.

Артём встал, подошёл к окну и закрыл его плотно. Защёлкнул шпингалет. Потом вернулся к кровати и взял очки.

Они были тяжёлыми. Тяжелее, чем вчера. Или ему так казалось?

Он повертел их в руках. Роговая оправка была тёплой, несмотря на холод в комнате. Линзы слегка поблёскивали, отражая серый свет утра.

«Что если...» — мысль возникла сама собой, тихая и настойчивая. — «Что если это не галлюцинация? Что если они действительно показывают прошлое?»

Любопытство, то самое опасное чувство, которое загнало его в эту историю, снова шевельнулось внутри. Ему нужно было знать. Нужно было понять, что происходит.

Артём медленно поднёс очки к лицу. Руки дрожали. Сердце колотилось где-то в горле.

Он надел их.

Мир исчез.

На секунду наступила темнота. Абсолютная, глухая темнота. А потом вспыхнул свет.

Артём стоял не в своей комнате. Он стоял на пляже.

Но это был не тот пляж, который он видел вчера. Песок здесь был другим — более светлым, мелким. Валун, у которого он обычно пил чай, отсутствовал. Вместо него виднелась группа молодых сосен, которых сейчас не было. Небо было ясным, голубым, с редкими белыми облаками. Солнце светило ярко, нагревая кожу.

Воздух пах иначе. Не йодом и гнилью, а свежестью, сосновой хвоей и каким-то сладким ароматом цветов, которых Артём не мог узнать.

Он огляделся. Вокруг не было ни души. Только море, спокойное и ласковое, и берег, усыпанный ракушками.

Артём попытался сделать шаг. Но его ноги не слушались. Он не мог двигаться. Он был наблюдателем. Призраком.

И тогда он увидел его.

Молодой человек сидел на большом плоском камне у самой воды. Тот самый, которого Артём видел вчера на кухне. Виктор.

Он был одет в лёгкую льняную рубашку белого цвета и брюки хаки. Волосы у него были светлые, выгоревшие на солнце. Он смотрел на море, и в его позе читалось нетерпение. Он постоянно проверял часы на руке. Старые, механические часы с кожаным ремешком.

Артём чувствовал эмоции Виктора. Они накатывали на него волнами, как прилив.

Тревога. Надежда. Страх. Любовь.

Виктор ждал кого-то. Женщину. Артём чувствовал это всей кожей. Каждой клеткой тела. Эта женщина была смыслом его жизни. Ради неё он готов был на всё.

Виктор встал, прошёлся вдоль берега. Остановился, посмотрел на дорогу, ведущую от посёлка. Никого.

Он вернулся на камень. Достал из кармана пачку сигарет «Прима». Закурил. Дым поднялся вверх, тонкой струйкой растворяясь в воздухе.

Артём чувствовал вкус табака во рту. Горький, крепкий. Чувствовал, как дым щекочет горло.

«Кто ты?» — хотел спросить Артём. Но голоса не было.

Виктор снова посмотрел на часы. Было десять утра.

Он вздохнул. Достал из внутреннего кармана пиджака, который лежал рядом, конверт. Белый, плотный. На нём ничего не было написано. Ни адреса, ни имени.

Виктор долго смотрел на конверт. Потом спрятал его обратно.

Артём почувствовал острую боль в груди. Не свою. Чужую. Боль разочарования. Боль предательства.

«Она не придёт», — понял Виктор. И Артём понял это вместе с ним.

Виктор встал. Подошёл к краю воды. Посмотрел на горизонт.

И вдруг его взгляд изменился. Тревога сменилась решимостью. Он достал из кармана ещё один предмет. Маленькую коробочку. Ту самую, в которой лежали очки.

Он открыл её. Достал очки. Рассмотрел их на солнце. Линзы блеснули.

Виктор что-то прошептал. Артём не слышал слов, но чувствовал смысл.

«Если я не вернусь... пусть кто-нибудь найдёт. Пусть кто-нибудь узнает».

Виктор положил очки в коробочку. Закопал её в песке, недалеко от камня. Замаскировал сверху ракушками и водорослями.

Потом он огляделся ещё раз. Убедился, что никого нет. И пошёл прочь от берега. Быстро. Решительно.

Артём хотел побежать за ним. Хотел крикнуть: «Стой! Куда ты? Что случилось?»

Но он не мог. Он был привязан к этому месту. К этому моменту.

Образ начал размываться. Песок, море, небо — всё потеряло чёткость. Цвета поблекли. Звуки стихли.

И тут же, на смену одному образу, пришёл другой.

Темнота. Холод. Запах сырой земли.

Артём почувствовал, как его тело сжимается. Как трудно дышать. Где-то рядом слышны голоса. Грубые, пьяные.

«Где деньги, Соловьёв?»

«Я не знаю, о чём вы».

«Не ври. Мы знаем, что ты взял».

Удар. Боль в ребрах. Артём застонал. Но это был стон Виктора.

Его куда-то тащили. По грязи. По камням.

«Выброси его. Пусть тонет».  
Холодная вода. Темнота. Борьба за жизнь.  
И потом — тишина.  
Артём резко сбросил очки.  
Он лежал на полу своей комнаты. Рядом с кроватью. Тело ломало. Голова раскалывалась.  
Он тяжело дышал. Воздух казался слишком холодным, слишком разреженным.  
Артём пополз к кровати. С трудом забрался на неё. Накрылся одеялом. Дрожал всем телом.  
Прошло несколько минут, прежде чем дрожь немного утихла.  
Он посмотрел на свою руку.  
Дата «14.08.87» стала ярче. Чёрнее. Будто чернила проступили глубже в кожу.  
Артём закрыл глаза. Попытался успокоиться.  
«Это было воспоминание», — понял он. — «Воспоминание Виктора. То, что произошло в тот день».  
Но почему он это видел? Почему очки показали ему именно этот фрагмент?  
И главное — почему он чувствовал всё так остро? Будто это происходило с ним самим?  
Артём вспомнил предупреждение старика: «Они показывают не то, что ты хочешь видеть. Они показывают то, что было».  
Но было ещё что-то. Что-то, чего старик не сказал. Или не успел.  
Очки не просто показывали прошлое. Они связывали владельца с тем, кто носил их.  
Передавали эмоции. Воспоминания. Частицу души.  
И эта связь была опасной.  
Артём почувствовал, как что-то внутри него меняется. Будто часть его собственного «я» растворилась, уступив место чужому опыту.  
Он попытался вспомнить имя своей бывшей девушки. Лены.  
Лена... Леночка...  
Имя всплывало с трудом. Будто покрытое слоем пыли. Он помнил её лицо. Помнил, как они встречались три года. Помнил их ссоры и примирения. Но детали стирались. Цвет её глаз. Звук её смеха. Запах её волос.  
Всё становилось размытым. Неясным.  
Артём испугался. Он сел на кровати. Снова посмотрел на руку.  
Дата «14.08.87» пульсировала.  
«Что со мной?» — прошептал он.  
Ответом была тишина.  
Артём встал. Подошёл к зеркалу. Посмотрел на своё отражение.  
Лицо было бледным. Под глазами залегли тени. Но самое странное было в глазах.  
Они изменились. Стали другими. В них появилась глубина, которой не было раньше. И какая-то чужая печаль.  
Артём моргнул. Попробовал улыбнуться. Улыбка вышла кривой, ненатуральной.  
Он отвернулся от зеркала.  
Нужно было действовать. Нельзя было просто сидеть и ждать, пока память окончательно сотрётся.  
Он оделся. Натянул куртку. Взял термос.  
И вышел из дома.  
На улице было свежо. Ветер стих. Небо прояснилось.  
Артём пошёл к пляжу. К тому месту, где вчера стояла лачуга.  
Он хотел найти старика. Хотел задать вопросы. Хотел понять, как остановить этот процесс.  
Но когда он дошёл до места, лачуги не было.

На том месте, где вчера возвышалось странное сооружение из коряг и сетей, теперь лежала обычная куча мусора. Обломки досок. Ржавые гвозди. Пластиковые бутылки. Водоросли.

Никаких следов жилья. Никаких полок с вещами.

Артём обошёл кучу мусора. Заглянул за валуны. Ничего.

Будто лачуги никогда не существовало.

«Иллюзия?» — подумал Артём. — «Мираж?»

Но очки были у него в кармане. Тяжёлые. Реальные.

И дата на руке тоже была реальной.

Артём сел на песок. Посмотрел на море.

Волны спокойно набегали на берег. Солнце грело лицо.

Но внутри у него было холодно.

Он понял, что остался один. Один против тайны, которая поглощала его самого.

Старик исчез. Лачуга исчезла.

Остались только очки. И воспоминания Виктора.

Артём достал очки из кармана. Посмотрел на них.

«Ладно», — сказал он тихо. — «Если ты хочешь играть, давай играть. Но я найду правила».

Он убрал очки обратно. Встал. Отряхнул песок с брюк.

И пошёл домой.

Ему нужно было подумать. Проанализировать то, что он увидел.

Виктор ждал женщину. Она не пришла. Виктор закопал очки. Потом его поймали какие-то люди. Требовали деньги. Били. Бросили в воду.

Но выжил ли он?

Артём не видел конца. Не видел, умер Виктор или нет.

Но он чувствовал, что Виктор выжил. Интуитивно.

И если он выжил, то где он сейчас?

Артём ускорил шаг.

Дома он снова открыл ноутбук.

На этот раз он искал не просто «пропажи людей». Он искал конкретные детали.

«Виктор». «1987 год». «Зеленоградск». «Контрабанда».

Он вводил разные комбинации слов. Просматривал форумы. Статьи. Архивы новостей.

Часы шли. День переходил в вечер.

Артём почти ничего не ел. Пил только кофе.

И вдруг, поздно вечером, он нашёл что-то.

Статья в местной газете «Калининградская правда» за август 1987 года.

Заголовок: «Исчезновение инженера».

В статье говорилось о молодом инженере Викторе Соловьёве, который пропал при загадочных обстоятельствах. Официальная версия — побег за границу. Семья не верила. Милиция вела поиск, но безрезультатно.

Артём читал статью, и руки у него дрожали.

«Соловьёв... Виктор Соловьёв...»

Имя совпадало. Дата совпадала.

Но в статье не было подробностей. Только сухие факты.

Артём закрыл ноутбук.

Он посмотрел на свою руку. Дата «14.08.87» горела огнём.

14 августа 1987 года. День исчезновения Виктора Соловьёва.

Артём понял, что находится на правильном пути.

Но путь этот был опасен.

Очки питались его личностью. Каждый раз, когда он надевал их, он терял часть себя.  
Сколько ещё он сможет выдержать?  
Десять раз? Двадцать?  
Или он растворится полностью, став просто сосудом для чужих воспоминаний?  
Артём не знал ответа.  
Но он знал одно: он не остановится.  
Он найдёт Виктора. Или то, что от него осталось.  
Он вернёт очки.  
И вернёт себя.  
А пока... пока он будет искать.  
Артём лёг спать. Но сон не приходил.  
Он лежал в темноте и слушал шум моря.  
И думал о Викторе.  
О его любви. Его страхе. Его надежде.  
И о том, что, возможно, прямо сейчас, где-то далеко, старый мужчина с пустыми глазами рисует на бумаге круги.  
Круги, похожие на оправу очков.  
Артём закрыл глаза.  
И впервые за долгое время ему приснился не кошмар.  
А сон о море. Спокойном, синем море.  
И о женщине, которая так и не пришла на свидание.  
\*\*\*  
Утром Артём проснулся с новой мыслью.  
Если Виктор выжил, то у него могли остаться родственники. Друзья. Знакомые.  
Люди, которые помнят его.  
Артём решил начать с библиотеки. С архивов.  
Он собрался быстро. Взял очки. Термос. Блокнот.  
И вышел из дома.  
Библиотека в Зеленоградске была старым зданием с высокими потолками и запахом старой бумаги.  
Артём подошёл к стойке регистратуры.  
— Здравствуйте, — сказал он девушке-библиотекарю. — Мне нужны архивы местных газет за 1987 год.  
Девушка удивлённо посмотрела на него.  
— Архивы? Зачем?  
— Исследую историю города, — соврал Артём. — Пишу статью.  
Девушка пожала плечами.  
— Хорошо. Пройдите в читальный зал. Архивы в конце, в стеклянном шкафу.  
Артём прошёл в зал. Нашёл нужный шкаф.  
Достал подшивки газет за август 1987 года.  
Сел за стол. Начал листать.  
Страница за страницей. День за днём.  
И вот, 15 августа. Статья.  
«Исчезновение инженера».  
Артём читал внимательно. Каждое слово. Каждую букву.  
И заметил деталь, которую пропустил вчера.  
В конце статьи было сказано: «По словам соседей, перед исчезновением Соловьёв часто встречался с неизвестными людьми. Говорили о каких-то долгах. О проблемах».  
«Долги...» — повторил Артём.

Какие долги? У инженера?  
Или это была прикрытием для чего-то другого?  
Артём закрыл газету.  
Он посмотрел в окно. На улицу.  
Где-то там, в прошлом, Виктор боролся за жизнь.  
А здесь, в настоящем, Артём боролся за свою память.  
Битва только начиналась.  
И он был готов идти до конца.

### Глава 3. След на песке

Библиотека пахла пылью, клеем и временем. Этот запах был особенным — густым, обволакивающим, словно невидимая паутина, которая связывала прошлое с настоящим. Артём сидел за длинным деревянным столом в читальном зале, перед ним лежала стопка подшивок газеты «Калининградская правда» за август 1987 года. Бумага была жёлтой, хрупкой, крошилась на сгибах. Шрифт расплывался, буквы казались выцветшими, но всё ещё читаемыми.

Он перечитывал статью об исчезновении Виктора Соловьёва уже третий раз. Каждое слово казалось ему важным, каждое упоминание — ключом к разгадке. Но чем больше он читал, тем меньше понимал. Официальная версия была сухой и безэмоциональной: «Инженер Виктор Соловьёв, 25 лет, пропал без вести 14 августа 1987 года. Ведётся поиск. Рассматриваются различные версии, включая добровольный уход из дома».

Никаких подробностей. Никаких имён тех «неизвестных людей», о которых говорили соседи. Никакого упоминания о контрабанде, о шантаже, о письмах. Только сухие факты, которые ничего не объясняли.

Артём откинулся на спинку стула. Голова всё ещё гудела после утреннего сеанса с очками. Боль притупилась, превратилась в фоновый шум, но напряжение осталось. Он чувствовал себя так, будто пробежал марафон, хотя физически почти не двигался. Очки высасывали энергию не хуже, чем память.

Он посмотрел на своё запястье. Цифры «14.08.87» стали ещё темнее, почти чёрными. Контраст с бледной кожей был пугающим. Артём потёр их большим пальцем, но они не стирались. Они были частью его теперь. Меткой. Печатью чужой судьбы.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.